

Сунь Сяолань была до смерти напугана словами Тун Цяня, и теперь, когда ребёнок стоял перед ней с мрачным выражением лица, она боялась, что он захочет увести и её сына.

Она толкнула сына к Тун Цяню и приказала:

— Быстро извинись перед братом Тун Цянем!

Тун Эрбао упрямо не хотел склонить голову, и Сунь Сяолань ударила его, заставив упасть на землю.

Хотя Тун Цянь и хотел, чтобы Тун Эрбао заплатил за свои поступки, он не ожидал извинений с поклоном.

Поэтому он сразу же отскочил в сторону.

Сунь Сяолань хотела сказать что-то ещё, но Тун Эрбао больше не собирался подчиняться.

Внезапно напав, он сбил Сунь Сяолань с ног, затем вскочил и ударил свою мать, указывая на неё и ругая:

— Ты с ума сошла, что ли?

Сунь Сяолань, не веря своим глазам, прикрыла лицо.

На глазах у всей деревни она была избита и обругана собственным сыном.

В приступе ярости и шока она почувствовала, как у неё потемнело в глазах, и, не сумев перевести дыхание, упала на землю.

Тун Эрбао продолжал оскорблять её без остановки.

Несколько старших, не выдержав этого, попросили его бабушку срочно вмешаться.

Бабушка обняла своего любимого внука и успокоила:

— Не обращай внимания на эту сумасшедшую мать. Если нужно извиняться, пусть она сама извиняется, это не касается нашего хорошего мальчика.

Даже в такой ситуации она продолжала защищать внука, и старшие, не имея возможности вмешаться, раздражённо ушли.

Казалось, этот фарс подходил к концу.

Тун Дафэн с недовольством сказала:

— Мама Тун Цяня, если бы ты не держалась за рецепт, наш малыш не страдал бы так.

Даже в такой момент она всё ещё пыталась выжать что-то из Ван Пинпин.

Как будто ей было всё равно на последствия.

Тун Цянь мрачно улыбнулся ей:

— Тётя, угадай, когда ты...

Он намеренно не закончил фразу, но этого было достаточно, чтобы лицо Тун Дафэн побледнело.

Вдруг предсказание этого маленького негодяя сбудется...

Тун Дафэн больше не думала о секретном рецепте Ван Пинпин, неловко засмеялась и попыталась уйти.

Но её остановили.

Лю Чуньхуа, которая до этого молча стояла в толпе, вдруг громко сказала:

— Тун Дафэн, будь человеком с совестью! Ты сваливаешь свои поступки на Ван Пинпин, но подумай, согласится ли она с этим!

Тун Дафэн и Лю Чуньхуа раньше почти не общались.

Лю Чуньхуа вышла замуж в деревню Дая всего несколько лет назад, а Тун Дафэн уже переехала в другую деревню.

Выданная замуж дочь — как вылитая вода, она не могла просто так бегать обратно в родительский дом.

Тун Дафэн возвращалась, чтобы пообщаться с братом или знакомыми женщинами, но с Лю Чуньхуа и её окружением она не ладила.

С тех пор как Лю Чуньхуа начала продавать рисовые шарики в уезде, между ними возникла серьёзная вражда.

Тун Дафэн использовала грязные методы, чтобы испортить бизнес Лю Чуньхуа, заставив её потерять много денег.

Лю Чуньхуа сначала не знала об этом, но позже, услышав слухи, возненавидела Тун Дафэн.

К сожалению, у неё не было ни доказательств, ни средств для борьбы, и ей пришлось временно терпеть.

Тун Дафэн, видя, что Лю Чуньхуа долго не предпринимает действий, решила, что всё уладилось, но не ожидала, что та выступит именно сейчас.

Тун Дафэн была коварной, но её нервы были слабыми, и при малейшем намёке на угрозу она теряла самообладание.

Она запаниковала, услышав слова Лю Чуньхуа, и нервно ответила:

— Что за чушь ты несёшь? Как это Ван Пинпин связана с этим?

Лю Чуньхуа, которая так долго ждала, чтобы нанести решающий удар, не позволила ей уйти от ответа:

— Скажи мне, ты ведь использовала грязные методы в бизнесе, распространяя слухи, что мои рисовые шарики отравлены?

Даже спустя столько времени, вспоминая об этом, Лю Чуньхуа скрежетала зубами, желая

задушить Тун Дафэн.

Если бы не случайно услышанный разговор, она бы никогда не узнала, что это Тун Дафэн её подставила.

— Не клевети на меня! — Тун Дафэн, конечно, не признавала своей вины. — Я никогда не говорила ничего плохого о твоих продуктах, спроси у соседей, если не веришь. Не выливай на меня грязь.

Лю Чуньхуа, решившись выступить перед всеми, конечно, не была без доказательств.

Она вытащила человека из укромного угла храма предков и указала на него:

— Конечно, ты сама бы не стала этим заниматься, но ты послала своего человека.

Увидев этого человека, Тун Дафэн поняла, что дело плохо.

Сюй Цзя быстро взглянула на Тун Дафэн, а затем подтвердила Лю Чуньхуа и окружающим:

— Да, она мой босс, это она заставила меня распространять слухи, что ваша еда отравлена.

Многие в деревне Дая знали Сюй Цзя.

Как вдова, воспитывающая сына, она сначала работала с Ван Пинпин, но потом её переманила Тун Дафэн.

Сначала некоторые шептались, что Ван Пинпин неблагодарна, раз предпочла нанять приезжую женщину, а не кого-то из деревни.

Когда Сюй Цзя предала её, они злорадствовали.

Если бы наняли деревенского, даже ради собственной репутации, они бы не пошли на такое предательство.

Но никто не ожидал, что за всем этим стоит Тун Дафэн, уроженка деревни Дая!

Племянник старосты был самым возмущённым.

Из-за случая с отравлением бабушки Саня не только жители деревни, но и владельцы ресторанов в уезде обвиняли его, постоянно донимая проблемами.

В деревне Дая он был важной персоной благодаря своему дяде-старосте, но в уезде его никто не уважал.

В конце концов, племянник был вынужден закрыть свою лавку с рисовыми шариками и вернуться к крестьянскому труду.

Теперь, когда наконец появился виновник, он сразу же начал обвинять Тун Дафэн.

Тун Дафэн запаниковала:

— Эта приезжая — лгуныя, вы готовы слушать её клевету, но не верите своим?

Она посмотрела на Сюй Цзя и попыталась подкупить её:

— Скажи сама, ты ведь долго работала на меня, я ведь тебя не обижала. Кто тебя подкупил, чтобы ты обливала грязью свою хозяйку? Разве она дала тебе больше, чем я?

Эти слова только разозлили Сюй Цзя.

Она нахмурилась:

— Ты ещё смеешь говорить! Тун Дафэн, ты заставила меня распространять слухи, что чьи-то рисовые шарики отравлены, тайком подменять ингредиенты, подбрасывать испорченные колбасы. Сколько грязной работы я для тебя сделала, а ты даже зарплату мне не заплатила!

Тун Дафэн, видя, что все её секреты выходят наружу, крикнула:

— Заткнись!

Сюй Цзя действительно получила деньги от Лю Чуньхуа за свидетельство, но она сделала это не только ради денег. Её ненависть к Тун Дафэн была глубокой, и она была рада возможности унижить её.

Большинство оставшихся людей были связаны с этим делом: кто-то продавал рисовые шарики, кто-то овощи в уезде, и из-за слухов об отравлении они понесли огромные убытки.

Они думали, что всё это дело рук Ван Пинпин, и объединились, чтобы заставить её компенсировать потери.

Но оказалось, что это Тун Дафэн всё подстроила, и в ярости они окружили её, требуя объяснений.

Их первоначальная цель, семья Ван Пинпин, была забыта.

Тун Дафэн, окружённая со всех сторон, не могла вымолвить ни слова и с надеждой посмотрела на своего брата Тун Вэйлуна.

Но Тун Вэйлун был занят.

Тун Цянь подошёл к нему и, подняв голову, спросил:

— Куда ты дел семейный регистрационный документ?

Для восстановления документа нужно личное присутствие главы семьи, а Тун Вэйлун унёс его с собой, создавая неудобства для матери и детей.

Тун Вэйлун выпрямился, собираясь отчитать своего младшего сына.

Но когда Тун Цянь улыбнулся ему, обнажив белые зубы, он вдруг почувствовал страх.

Ведь мать старосты только что умерла, и печальная музыка ещё звучала в деревне Дая.

Этот мальчик, которого он почти не знал, был странным.

Каждый раз, когда он возвращался домой, случались неприятности.

Казалось, этот сын был проклятием, посланным, чтобы разрушить его жизнь.

Тун Вэйлун, живя на юге, перенял много плохого, например суеверия.

<http://bllate.org/book/16382/1482874>